

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КОНОНЕНКО против РОССИИ»

(Жалоба № 33780/04)

Вступило в силу 17 мая 2011 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 февраля 2011 г.

Данное постановление становится окончательным при условиях, оговоренных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Текст может быть дополнительно отредактирован.

По делу «Кононенко против России»,

Европейский суд по правам человека (Первая Секция) проводя заседание Палатой, в состав которой вошли:

Кристос Розакис, *Председатель*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Дин Шпильманн,

Свер Эрик Йебенс,

Джорджио Малинверни,

Георг Николау, *судьи*, и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

рассмотрев дело на закрытом заседании 27 января 2011 года, вынес следующее постановление, которое вступило в силу в тот же день:

ХОД ПРОЦЕССА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 33780/04), поданной гражданином России, Юрием Леонтьевичем Кононенко, (далее - «заявитель») 4 июля 2004 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Заявитель, которому была оказана юридическая помощь, был представлен П. Финогоновым, адвокатом, практикующим в Центре содействия международной защите, московской правозащитной неправительственной организации. Интересы Властей Российской Федерации (далее - «Власти») представлены Г. Матюшкиным, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, среди прочего, утверждал, что было нарушено его право на перекрестный допрос ключевого свидетеля обвинения.

4. 9 октября 2008 года Председатель Первой Секции постановил уведомить Власти о вышеуказанной жалобе. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29). Впоследствии, 6 и 11 мая 2010 года запросы на предоставление информации были направлены Властям на основании подпункта «а» пункта 2 правила 54 Регламента Суда в связи с тем, что заявитель утверждал, что было нарушено его право на подачу жалобы.

5. 26 февраля 2010 года Председатель Палаты принял решение о рассмотрении жалобы в приоритетном порядке на основании правила 41 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1970 году и в данное время отбывает наказание в исправительной колонии ИК-3 Алтайского края.

А. Уголовное производство в отношении заявителя

7. 14 сентября 2003 года заявитель был арестован по подозрению в совершении убийства и доставлен в дежурную часть.

8. 15 сентября 2003 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело на основании статьи 105 Уголовного кодекса (убийство).

9. В тот же день некого Ш. допросили по вопросу причастности заявителя к преступлению. В частности, он заявил, что

“... Юрий [заявитель] схватил Андрея [потерпевшего] за ногу, резко поднял и выбросил его в разбитое окно...”

Ш. был допрошен в качестве свидетеля.

10. 17 сентября 2003 года Октябрьский районный суд города Барнаул вынес постановление о заключении заявителя под стражу на период расследования. Названное постановление не было обжаловано и вступило в силу 22 сентября 2003 года.

11. 24 сентября 2003 года заявителю были предъявлены обвинения в убийстве. Заявителя поместили в следственный изолятор ИЗ-22/1 города Барнаул.

12. В то же время 6 октября 2003 года следователь предписал начальнику дежурной части Октябрьского района установить местонахождение Ш., который проживал в Барнауле, с целью провести расследование с его участием.

13. 5 ноября 2003 года оперуполномоченный Октябрьского района выдал справку о том, что не имелось возможности установить местонахождение Ш.: он не проживал по адресу в г. Барнауле, указанном следователем, а его сожительница объяснила, что Ш. уехал в неизвестном направлении.

14. 13 ноября 2003 года Октябрьский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 15 декабря 2003 года.

15. 25 ноября 2003 года Октябрьский районный суд установил срок до 27 ноября 2003 года для ознакомления заявителя с материалами дела.

16. 27 ноября 2003 года Алтайский краевой суд, рассмотрев кассационную жалобу на постановление от 13 ноября 2003 года, оставил названное постановление суда без изменений.

17. 27 ноября 2003 года предварительное следствие по делу было завершено, а дело было передано на рассмотрение в Октябрьский районный суд.

18. На основании жалобы, поданной заявителем, 5 декабря 2003 года прокуратура г. Барнаула признала незаконность содержания заявителя под стражей в дежурной части с 22.05 часов 14 сентября до 18.15 часов 15 сентября 2003 года.

19. 17 декабря 2003 года Октябрьский районный суд в судебном заседании вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей в качестве меры пресечения. 8 января 2004 года Алтайский краевой суд оставил данное постановление без изменений после рассмотрения в рамках кассационного производства.

20. 5 января 2004 года Октябрьский районный суд отложил судебное заседание на 8 января 2004 года, в связи с тем, что несколько свидетелей, в том числе Ш., не явились в суд. Суд предписал доставить их в судебное заседание в принудительном порядке.

21. 8 января 2004 года судебный пристав, ответственный за привод Ш. в суд, заявил, что невозможно обеспечить присутствие Ш. в суде, поскольку он не проживает по своему адресу в Барнауле и, по словам его сожительницы, уехал на постоянное жительство в Славгород. В тот же день суд отложил заседание на 20 января 2004 года и предписал Ш. принудительно явиться в суд.

22. Согласно рапорту следователя прокуратуры Октябрьского района от 20 января 2004 года, сестра Ш. подтвердила, что во второй половине сентября 2003 года Ш. был в Славгороде. Он сказал ей, что был свидетелем преступления в Барнауле и дал письменные показания следователю. Боясь того, что заявитель отомстит ему, Ш. уехал в Тюменскую область. Заседание было отложено на 4 февраля 2004 года.

23. 22 января 2004 года прокуратуре Тюменской области было предписано установить местонахождение Ш.

24. 4 февраля 2004 года Октябрьский районный суд отложил заседание на 19 февраля 2004 года.

25. 17 февраля 2004 года следователь Славгородской межрайонной прокуратуры сообщил, что Ш. не был найден на территории Славгородского района Алтайского края.

26. На заседании 19 февраля 2004 года прокурор подал суду ходатайство на основании пункта 2 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об оглашении показаний Ш., полученных в ходе предварительного расследования по уголовному делу. Заявитель и его адвокат возражали против

оглашения предыдущих показаний Ш. и настояли на дальнейших поисках свидетеля, чтобы он лично явился в суд.

27. Выслушав участников судебного разбирательства, суд удовлетворил ходатайство прокурора, объявив, что Ш. не может явиться в суд в силу чрезвычайных обстоятельств, согласно пункту 4 части 2 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса, из-за невозможности установить его местонахождение после применения всех возможных мер, и продолжил оглашение показаний Ш., полученных 15 сентября 2003 года.

28. 19 февраля 2004 года Октябрьский районный суд г. Барнаула признал заявителя виновным в совершении убийства и приговорил его к девяти годам лишения свободы. Обвинительный приговор районного суда основан на показаниях свидетеля Ш., полученных 15 сентября 2003 года на этапе предварительного расследования, в которых указано следующее:

«14 сентября 2003 года в квартире 59, расположенной по [адресу] [заявитель], [потерпевший] и я сидели на кухне. [Заявитель] поссорился с [потерпевшим], потому что у него пропали деньги. Они начали драться и приближались к окну. В ходе драки один из них разбил окно. После этого [заявитель] схватил нож и начал размахивать им перед [потерпевшим]. Потерпевший отталкивал [заявителя] и опирался о разбитое окно. Затем я увидел, как [заявитель] схватил [потерпевшего] за ногу и выбросил его из окна».

Районный суд указал в приговоре, что данные показания Ш. подтверждались следующими доказательствами:

- Показаниями свидетеля П., который заявил следующее:

«13-14 сентября 2003 года я вместе с Г., [потерпевшим], З., заявителем и Ш. находился в указанной квартире; мы распивали спиртные напитки. ... 14 сентября 2003 года около 6 вечера Г. и я пошли в спальню спать. Ш., потерпевший и [заявитель] остались на кухне. Пока я был в спальне, я услышал звук бьющегося стекла, но ничего не предпринял. Через пару часов меня разбудили Ш. и [заявитель]. [Заявитель] держал нож и требовал у Г. вернуть деньги. [Заявитель] бросился на Г. и порезал ему лицо; затем Г. выбил нож из его рук. После этого я пришел на кухню, увидел кровь, нашел под стулом деньги и сказал об этом [заявителю]. [Потерпевшего] не было на кухне; окно было разбито; я спросил о [потерпевшем], и [заявитель] ответил, что он сломал себе нос. Испугавшись, я ушел из квартиры. ...»

- Показаниями свидетеля Е.Г., которые сходны с показаниями П.;

- Показаниями Л.Г., которая заявила, что от Ш. она узнала, что заявитель и потерпевший поссорились из-за пропавших денег, и что Ш. видел, как заявитель выбросил потерпевшего из окна.

- Результатами осмотра тела потерпевшего судмедэкспертом;

- Протоколами осмотра места преступления;

- Протоколами изъятия обуви, рубашки и спортивных штанов заявителя; и

- Результатами биологической экспертизы образцов крови, обнаруженных на полу кухни, на осколке оконного стекла, на двух ножах, обуви заявителя и на его спортивных штанах, пятен крови на штанах заявителя, возможно, связывающих заявителя с потерпевшим.

29. Заявитель обжаловал обвинительный приговор. В своей жалобе, среди прочего, он указывает, что на стадии судебного разбирательства у него не было возможности допросить свидетеля Ш., показания которого были решающими для вынесения судом обвинительного приговора.

30. 20 февраля 2004 года заявитель объявил голодовку, которая продолжалась до 5 марта 2004 года.

31. 29 апреля 2004 года Алтайский краевой суд после рассмотрения в кассационном порядке оставил обвинительный приговор без изменений. Что касается конкретных жалоб заявителя, суд постановил следующее:

«Вина [заявителя] в совершении [убийства] доказана показаниями Ш., свидетеля преступления, из которых следует, что [заявитель] поссорился с [потерпевшим] по причине пропажи денег. В ходе драки один из них разбил окно. [Заявитель] схватил нож и начал размахивать им перед [потерпевшим]. Потерпевший отталкивал [заявителя] и опирался о разбитое окно. Затем [заявитель] схватил [потерпевшего] за ногу и вытолкнул его в окно. Потерпевший выпал из окна и упал на землю.

Суд [первой инстанции] справедливо опирался на данные показания при вынесении обвинительного приговора. Основания для ложных обвинений заявителя со стороны Ш. установлены не были. [Заявитель] утверждал на заседании суда первой инстанции, что он и Ш. были хорошими знакомыми, и что он доверял Ш. Суд [первой инстанции] установил, что между свидетелем и потерпевшим не было конфликта. Показания свидетеля Ш. были получены согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, и они не противоречат доказательствам по делу.

...

Суд кассационной инстанции не обнаружил нарушений уголовно-процессуального права, которые могли бы привести к отмене обвинительного приговора. Аргумент [заявителя], что следователь не устроил ему очную ставку с Ш., не может быть принят во внимание, так как, согласно статье 162 Уголовно-процессуального кодекса, следователь имеет право, но не обязан проводить данное процессуальное следственное действие. Показания свидетеля Ш. были оглашены в ходе заседания по ходатайству прокурора, поскольку было невозможно обеспечить явку свидетеля Ш. в суд даже после того, как прокуратура и суд приняли достаточные меры по обеспечению его принудительной явки в суд. В силу вышеуказанного суд [первой инстанции] справедливо объявил [невозможность] того, чтобы свидетель Ш. явился на заседание в силу чрезвычайных обстоятельств. Также, помимо показаний Ш., вина [заявителя] была установлена совокупностью доказательств, указанных в приговоре суда.

...»

В тот же день заявитель возобновил голодовку до 18 июня 2004 года.

32. 17 июня 2004 года заявителя перевели в Рубцовскую тюрьму УБ-14/10 Алтайского края для отбывания наказания.

Б. Иск о компенсации морального вреда, причиненного заявителю вследствие незаконного содержания под стражей

33. Заявитель предъявил иск к Октябрьскому РОВД и Министерству финансов о возмещении морального вреда, причиненного вследствие незаконного содержания под стражей с 22 ч. 05 мин. вечера 14 сентября до 18 ч. 15 мин. 15 сентября 2003 года.

34 5 ноября 2008 года Алтайский областной суд частично удовлетворил иск заявителя и присудил ему 500 российских рублей в счет компенсации морального вреда.

В. Предполагаемое нарушение права заявителя на подачу индивидуальной жалобы

1. Переписка заявителя с представителем и Европейским Судом

35. 13 октября 2008 года Суд направил заявителю письмо о том, что его жалоба была коммуницирована Государству-ответчику, и о том, что для назначения представителя ему предоставлен срок до 24 ноября 2008 года. На штампе исправительного учреждения ЛИУ-8, где заявитель отбывал свое наказание на момент рассматриваемых событий, указано, что данное письмо было доставлено в учреждение 21 ноября 2008 года, но вручено заявителю через 42 дня после получения администрацией, 2 января 2009 года.

36. 21 марта 2009 года представитель заявителя отправил заявителю письмо. Письмо поступило в учреждение ЛИУ-8 1 апреля 2009 года и было вручено заявителю через три недели, 24 апреля 2009 года.

37. 1 июня 2009 года представитель заявителя отправил заявителю письмо. Письмо поступило в учреждение ЛИУ-8 9 июня 2009 года и было вручено заявителю через неделю, 18 июня 2009 года.

38. 18 июня 2009 года представитель заявителя отправил заявителю телеграмму. Телеграмма была доставлена в учреждение ЛИУ-8 на следующий день. 24 июня 2009 года оно все еще не было вручено заявителю.

39. 18 июня 2009 года заявитель подал в прокуратуру жалобу о том, что администрация учреждения ЛИУ-8 несвоевременно вручает ему письма. В своем ответе от 31 июля 2009 года прокуратура Барнаула уведомила заявителя о том, что его жалобы подтвердились, и что начальнику рассматриваемого учреждения было направлено официальное представление.

40. 7 апреля 2010 года представитель заявителя отправил заявителю посылку, в которой было письмо и буклеты о правах человека. 17

апреля 2010 года ее вернули представителю, сообщив, что заявитель покинул учреждение, и что, согласно российскому законодательству, посылка должна быть отправлена по новому адресу местонахождения заявителя (раздел 51 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Министерством юстиции 3 ноября 2005 года, Приказ № 205).

41. 3 июля 2010 года заявитель направил в администрацию ИК-3 Алтайского края письмо, которое нужно было отправить его представителю; в письме содержался запрос Суда на предоставление информации о предполагаемых помехах в осуществлении заявителем права на подачу жалобы. 10 августа 2010 года письмо было отправлено без ранее вложенных 23 листов, в том числе без письменных показаний других заключенных.

2. Общение заявителя со своим адвокатом по телефону

42. По словам заявителя, несколько раз он не мог позвонить своему адвокату, несмотря на удовлетворение его письменных ходатайств об этом, в силу большого числа желающих среди заключенных сделать телефонный звонок и в силу ограниченного времени на совершение звонков в учреждении (с 15.00 до 17.00 и с 18.00 до 20.00).

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

A. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года, вступивший в силу 1 июля 2002 года (далее - «УПК РФ»)

43. Статья 240 УПК РФ предусматривает следующее:

«1. В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию... Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств.

2. Оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, возможно лишь в случаях, предусмотренных статьями 276 и 281 настоящего Кодекса.

3. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании».

44. Статья 281 УПК РФ в соответствующей части предусматривает следующее:

«1. Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства... допускаются с согласия сторон в случае неявки потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, предусмотренных частью второй настоящей статьи.

2. При неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд вправе по ходатайству стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний в случаях:

- 1) смерти потерпевшего или свидетеля;
- 2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;
- 3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда;
- 4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд.

3. ...»

45. Статья 413 УПК РФ в соответствующей части предусматривает следующее:

"1. Вступивший в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

...

4. Вновь открывшимися обстоятельствами являются:

...

(2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

(а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

(б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

(в) иные новые обстоятельства».

Б. Конституционный Суд Российской Федерации

46. В Определении от 27 октября 2000 года (№ 233-О) Конституционный Суд постановил, что оглашение показаний,

полученных на этапе предварительного следствия, должно считаться исключением при собственном оценивании доказательств судом, и не должно подрывать процессуальное равновесие интересов обвинения и защиты. Если сторона настаивает на вызове свидетеля, чьи показания могут быть существенны для дела, суд должен принять все возможные меры для обеспечения явки свидетеля в суд. Когда данный свидетель может быть допрошен, оглашение его показаний должно считаться недопустимым доказательством, и суд не должен ссылаться на него. Однако если свидетеля невозможно допросить, защите должны быть предоставлены надлежащие процессуальные гарантии в виде оспаривания показаний, которые были оглашены, ходатайства о дальнейшем рассмотрении доказательств и очной ставки свидетеля и обвиняемого на этапе предварительного следствия, в рамках которого обвиняемый имеет возможность задавать вопросы свидетелю (см. также Определение от 7 декабря 2006 года (№ 548-О)).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

47. Заявитель ссылаясь на основании пункта 3(d) статьи 6 Конвенции на то, что судебное разбирательство в отношении него, не было справедливым. В частности, он жаловался на то, что ни на одном из этапов уголовного процесса ему не дали возможность допросить Ш., ключевого свидетеля обвинения. Поскольку требования пункта 3 статьи 6 должны рассматриваться как частные аспекты права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6, Суд рассмотрит жалобы заявителя на основании двух данных положений в совокупности (см., среди прочего, дело «Самошенков и Строков против России», №№ 21731/03 и 1886/04, пункт 72, 22 июля 2010 года). Статья 6 в соответствующей части гласит:

«3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него».

А. Приемлемость

48. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также она не является неприемлемой на каком-либо ином основании. Следовательно, она является приемлемой.

Б. Обстоятельства дела

1. Замечания сторон

(а) Позиция Властей

49. Власти заявили, что государственный суд принял всесторонние меры по обеспечению явки свидетеля Ш. в суд; несколько раз суд первой инстанции отклонял ходатайство прокурора об оглашении показаний Ш., полученных на этапе предварительного расследования, по причине возражений заявителя и его адвоката. Четыре раза заседание откладывалось по той причине, что суд предписывал принудительную явку свидетеля в суд.

50. Несмотря на тот факт, что свидетель Ш. был ключевым свидетелем обвинения, вина заявителя была подтверждена и другими доказательствами, подробно перечисленными в приговоре суда. Все версии, выдвинутые заявителем в свою защиту, были рассмотрены судом надлежащим образом и мотивированно отклонены как необоснованные. Показания свидетеля Ш., данные на этапе предварительного расследования, были получены в соответствии с требованиями российского уголовно-процессуального законодательства. Не было установлено оснований для оспаривания того, что заявитель был ложно обвинен свидетелем Ш.

51. Власти также заявили, что оглашение показаний свидетеля Ш. в отсутствие согласия одной из сторон также не нарушало требования российского уголовно-процессуального законодательства, отсутствие свидетеля Ш. на судебном заседании было признано чрезвычайным и исключительным обстоятельством.

52. Опираясь на внутренне российское законодательство и судебную практику (см. пункты 43-45 выше), Власти также утверждали, что заявитель не был лишен возможности защищать себя с помощью средств, предусмотренных законодательством. В частности, заявитель имел возможность ходатайствовать перед судом об исключении показаний свидетеля Ш. из списка доказательств или оспорить рассматриваемые показания посредством представления новых доказательств, однако заявитель не воспользовался этой возможностью.

53. Кроме того, Власти утверждали, что в любом случае процессуальный баланс между интересами обвинения и интересами защиты не был нарушен, поскольку прокурор также не имел возможности допросить свидетеля Ш.

54. В целом, Власти настаивают, что право заявителя на справедливое судебное разбирательство не было нарушено.

(б) Позиция заявителя

55. Заявитель указал, что, во-первых, Власти не отрицали, что не дали ему возможности допросить свидетеля обвинения Ш. в ходе судопроизводства, которое привело к вынесению обвинительного приговора. Он заявил также, что, с учетом того факта, что свидетель Ш. был единственным свидетелем преступления, и что суд придал очень больше значение его показаниям (см. пункты 28 и 31 выше), отказ в возможности допросить его нарушил право заявителя, предусмотренное пунктом 3(d) статьи 6 Конвенции.

56. Национальный суд не рассмотрел надлежащим образом версию событий, представленную заявителем, согласно которой исчезновение свидетеля Ш. было вызвано его собственной виной, поскольку это он совершил преступление и хотел избежать уголовной ответственности.

57. В противовес заявлениям Властей (см. пункт 52 выше) заявитель несколько раз подавал ходатайства в отношении того, чтобы показания свидетеля Ш. были исключены из списка доказательств, как на этапе предварительного расследования, так и на этапе рассмотрения дела в суде, но это не дало никаких результатов.

58. Единственной возможностью заявителя опровергнуть показания единственного свидетеля преступления была очная ставка с данным свидетелем и его допрос на суде. Трудности, с которыми столкнулись государственные власти при поиске свидетеля Ш., не могут оправдать нарушение прав заявителя, предусмотренных Конвенцией.

59. Власти не представили документальных доказательств того, что государственные власти принимали меры для поиска свидетеля Ш. в Тюменской области.

60. Между интересами обвинения и интересами защиты не было баланса, так как заявитель не мог допросить указанного свидетеля, притом, что показания свидетеля Ш. лежали в основе обвинительного акта и обвинительного приговора.

2. Оценка Суда

61. Суд напоминает, что его неизменная практика предусматривает, что приемлемость доказательств, главным образом, должна регулироваться государственным законодательством, и что, как правило, именно государственные суды дают оценку доказательствам, представленным им. Задачей Суда согласно Конвенции является не

установление того, были ли показания свидетеля надлежащим доказательством, но скорее установление того, было ли справедливым разбирательство в целом, считая и то, каким путем были получены доказательства (см. дело «Дурсон против Нидерландов» (*Doorson v. the Netherlands*), 26 марта 1996 года, пункт 67, «Отчеты о постановлениях и решениях», 1996-II, и «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» (*Van Mechelen and Others v. the Netherlands*), 23 апреля 1997 года, пункт 50, «Отчеты о постановлениях и решениях», 1996-III).

62. Все доказательства, обычно, должны быть представлены на открытом судебном заседании в присутствии обвиняемого с учетом проведения состязательного процесса. Существуют исключения для данного принципа, но они не должны нарушать права защиты; как правило, пункт 1 и пункт 3(d) статьи 6 предусматривают, что обвиняемому должна быть дана адекватная и разумная возможность оспорить показания свидетеля против него и допрашивать его, либо после сделанного заявления, либо на более поздних этапах (см. дело «Люди против Швейцарии» (*Lüdi v. Switzerland*), 15 июня 1992 года, пункт 49, Series A, № 238).

63. Как утверждал в ряде случаев Суд, в определенных случаях может оказаться необходимым сослаться на показания, полученные на предварительном этапе расследования. Если обвиняемому была предоставлена адекватная и разумная возможность оспорить показания, либо сразу после их представления, либо на более позднем этапе, их использование в качестве доказательств само по себе не противоречит положениям пункта 1 и пункта 3(d) статьи 6. Выводом из этого, однако, является то, что, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях человека, которого заявитель не мог или не смог допросить, либо на этапе расследования, либо на этапе рассмотрения дела в суде, права защиты ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, предусмотренными статьей 6 (см. дело «Лука против Италии» (*Lucà v. Italy*), № 33354/96, пункт 40, ECHR 2001-II; дело «Макеев против России» (*Makeyev v. Russia*), № 13769/04, пункт 35, 5 февраля 2009 года; и дело Самошенкова и Строкова (*Samoshenkov and Strokov*), приведенное выше, пункт 75).

64. Суд также напоминает, что власти должны приложить «все необходимые усилия» для обеспечения явки свидетеля в суд для прямого допроса в суде первой инстанции. В отношении показаний свидетелей, которых позднее оказалось невозможно допросить в присутствии ответчика или его адвоката, Суд подчеркивает, что «пункт 1 статьи 6 в совокупности с пунктом 3 предусматривают, что Договаривающиеся государства должны принять меры, в частности, предоставить возможность допроса обвиняемым свидетелей обвинения. Такие меры представляют собой одну из составляющих тщательности, которую Договаривающиеся государства должны

проявить, чтобы обеспечить эффективное использование прав, гарантированных статьей 6 (см. дело «Саадак и другие против Турции» (*Sadak and Others v. Turkey*), №№ 29900/96, 29901/96, 29902/96 и 29903/96, пункт 67, ECHR 2001-VIII; дело «Трофимов против России» (*Trofimov v. Russia*), № 1111/02, пункт 33, 4 декабря 2008 года; и дело Макеева, приведенное выше, пункт 36).

65. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд, таким образом, должен определить, имел ли заявитель возможность допросить свидетеля Ш. на любом из этапов судебного производства, подтверждались ли показания свидетеля Ш. другими доказательствами, и были ли предприняты властями разумные усилия для обеспечения явки свидетеля Ш. в суд.

66. Суд отмечает, во-первых, – и это не было оспорено сторонами – что заявитель не имел возможности допросить Ш. ни в ходе расследования, ни в ходе рассмотрения дела в суде. Суд также отмечает, что Власти не оспорили то, что заявитель возражал против оглашения показаний свидетеля Ш., полученных на предварительном этапе расследования, и не находит никаких доказательств для того, чтобы сделать вывод о том, что он отказался от права участия в очной ставке со свидетелем (см. дело Трофимова, приведенное выше, пункт 34, и для сравнения дело «Вожигов против России» (*Vozhigov v. Russia*), № 5953/02, пункт 57, 26 апреля 2007 года, и «Озеров против России» (*Ozerov v. Russia*) (решение), № 64962/01, 3 ноября 2005 года).

67. Суд отмечает также, что показания свидетеля Ш. были единственным прямым доказательством, поскольку он был единственным свидетелем преступления, в совершении которого обвинялся заявитель. Это было признано Властями, которые согласились, что свидетель Ш. был ключевым свидетелем обвинения (см. пункт 50 выше). Другие свидетели, допрошенные судом – свидетели П., Е.Г. и Л.Г. – не видели действий, который предположительно совершил заявитель (см. пункт 28 выше). Оставшиеся доказательства – результаты осмотра судмедэкспертом тела потерпевшего, протоколы осмотра места преступления и изъятие одежды заявителя, а также результаты биологической экспертизы – также являются косвенными. С учетом вышеизложенного, Суд полагает, что государственные суды в своих выводах о вине заявителя опирались, главным образом, на показания свидетеля Ш., которого заявитель не смог допросить с целью обеспечения справедливого судебного разбирательства (сравните дело «Андандонский против России», № 24015/02, пункт 52, 28 сентября 2006 года, и дело Самошенкова и Строкова, приведенное выше, пункт 76).

68. Суд также полагает, что в силу важности показаний свидетеля Ш. для судопроизводства власти должны были приложить особые усилия для обеспечения его явки в суд. Суд готов допустить, что

государственные власти приложили определенные усилия для обеспечения явки свидетеля Ш. Действительно, власти предписали милиции привести свидетеля Ш. в суд в принудительном порядке. Также с 5 января по 19 февраля 2004 года заседание откладывалось четыре раза в силу неявки данного свидетеля. Власти представили полную информацию о том, что государственные органы не смогли установить местонахождение свидетеля Ш. в Барнауле и Славгородском районе Алтайского края (см. пункты 21, 22 и 25 выше). Однако, как было указано заявителем и не было оспорено Властями, никакой информации, подтверждающей результаты любых разумных усилий для поиска свидетеля Ш. в Тюменской области, куда он предположительно переехал, предоставлено не было. Суд с обеспокоенностью отмечает, что суд первой инстанции продолжил судопроизводство с оглашением показаний свидетеля Ш. менее чем через месяц после того, как Тюменской областной прокуратуре было предписано установить местонахождение свидетеля Ш., и без получения результатов поисков в Тюменской области. При таких обстоятельствах нельзя считать, что государственные власти приложили «все возможные разумные усилия» для поиска свидетеля Ш., и что они предоставили заявителю надлежащую и адекватную возможность допросить его.

69. С учетом того, что заявитель не имел возможности провести перекрестный допрос свидетеля, чьи показания имели решающее значение для вынесения обвинительного приговора, и тот факт, что государственные власти не приложили всех возможных разумных усилий для обеспечения явки данного свидетеля в суд, Европейский суд делает вывод, что права заявителя на защиту были ограничены в той степени, которая несовместима с гарантиями, изложенными в пунктах 1 и 3(d) статьи 6 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение данных положений.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

70. Заявитель жаловался на основании статьи 34 Конвенции, что государственные власти препятствовали его переписке с представителем и Судом. Он также заявляет, что имел ограниченный доступ к телефону для звонков своему адвокату. Статья 34 Конвенции в соответствующей части предусматривает следующее:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

А. Замечания сторон

71. Власти утверждают, что отсрочки в отправке писем заявителя происходили по вине руководства учреждений ИК-10, КТБ-12, ЛИУ-8 и ИК-3, в которых заявитель содержался с июня 2004 года и содержится в настоящее время, и что заявителю не мешали эффективно пользоваться правом на подачу индивидуальной жалобы. Власти также отрицают, что ограничивали общение заявителя с адвокатом по телефону. А именно они заявляют, что, пока заявитель содержался в учреждении КТБ-12 в 2009-2010 годах, он семь раз разговаривал по телефону, в шести случаях – с адвокатом, и 14 раз разговаривал, пока содержался в учреждении ЛИУ-8, в девяти случаях – с адвокатом.

72. Заявитель настаивал на своей жалобе. Он заявил, что письма из Европейского Суда и от его адвоката вручались ему с постоянными и существенными задержками. Заявитель не оспаривал, что говорил по телефону с адвокатом около дюжины раз, и признавал, что телефонное общение было самым эффективным средством поддержания связи с ним. В то же время он отметил, что такое общение не всегда было доступно (см. пункт 42 выше).

Б. Оценка Суда

73. Суд, прежде всего, напоминает, что жалоба на основании статьи 34 Конвенции имеет процессуальный характер и, таким образом, не поднимает каких-либо вопросов о приемлемости на основании Конвенции (см. дело «Рябов против России», № 3896/04, пункт 56, 31 января 2008 года, с дальнейшими ссылками).

74. Суд напоминает, что для эффективной деятельности системы подачи индивидуальной жалобы, установленной статьей 34 очень важно, чтобы заявитель мог беспрепятственно общаться с Судом без какого-либо давления со стороны властей с целью вынудить отозвать или изменить свои жалобы (см. дело «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*) [GC], №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 102, ECHR 2005-I). В данном контексте «давление» включает в себя не только прямое принуждение или грубое принуждение, но также грубые косвенные действия и контакты с целью разубедить заявителя использовать конвенциональные средства правовой защиты. Тот факт, что лицо фактически смогло подать жалобу, не мешает возникновению вопроса на основании статьи 34: если действия властей затруднили осуществление лицом своего права на подачу жалобы, это приравнивается к «препятствию» в осуществлении его прав на основании статьи 34 (см. дело «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*), 16 сентября 1996

года, пункты 105 и 254, «Отчеты» 1996-IV). Намерения или причины, лежащие в основе рассматриваемых действий или бездействия, несущественны при оценке того, соблюдались ли положения статьи 34; существенным является то, не противоречит ли статье 34 ситуация, созданная действием или бездействием властей (см. дело «Палади против Молдавии» (*Paladi v. Moldova*) [GC], № 39806/05, пункт 87, 10 марта 2009 года).

75. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что его письмо от 13 октября 2008 года, в котором Суд уведомлял заявителя, что коммуницировал российским Властям его жалобу, было вручено заявителю управлением учреждения ЛИУ-8 через 42 дня после получения и тогда, когда процессуальный срок, установленный Судом для назначения адвоката, который представлял бы его интересы в Европейском суде, уже истек. С учетом характера вышеуказанной переписки и ее важности для последующего процесса в Суде, существенных отсрочек при вручении писем заявителю, а также выводов государственных властей в этом отношении и в отношении других похожих примеров (см. пункты 35-39), Суд полагает, что действия государственных властей повлияли на эффективное осуществление права заявителя на подачу индивидуальной жалобы, что несовместимо с обязательством Государства-ответчика на основании статьи 34 Конвенции.

76. Суд, таким образом, делает вывод, что Государство-ответчик не выполнило своих обязательств на основании статьи 34 Конвенции, препятствуя переписке заявителя с Европейским Судом. Следовательно, Суд полагает, что нет необходимости отдельно рассматривать остальные жалобы заявителя на основании данной статьи.

III. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ

77. В довершение, заявитель представил ряд дополнительных жалоб на основании статей 3, 5 и 6 Конвенции, связанных с его задержанием, содержанием под стражей и рассмотрением дела в суде.

78. Однако, принимая во внимание все материалы, представленные Суду, и в той мере, в какой основания для жалобы входят в его компетенцию, Суд не обнаруживает каких-либо нарушений данных прав и свобод, изложенных в Конвенции и Протоколах к ней. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

79. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутригосударственное право Высокой Договаривающейся Стороны предусматривает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает потерпевшей стороне справедливую компенсацию».

А. Компенсация

80. Заявитель требовал присудить в его пользу сумму в размере 10 000 000 рублей в счет компенсации морального ущерба.

81. Власти считают требования заявителя чрезмерными и необоснованными. В любом случае установление нарушения будет достаточным для справедливой компенсации.

82. Суд допускает, что заявитель перенес страдания и переживания, которые стали результатом несправедливого уголовного разбирательства в отношении него. Понесенный моральный ущерб не может быть в достаточной степени компенсирован установлением факта нарушения положений Конвенции. Однако Суд полагает, что требуемая сумма завышена. Дав оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 1 800 евро в качестве возмещения морального ущерба плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

83. Суд также напоминает, что, если заявитель был обвинен или осужден, несмотря на возможные нарушения его прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, его положение должно стать таким, каким бы оно было, если бы требования Конвенции не были нарушены, а также в отношении него должна быть реализована наиболее уместная форма компенсации, в частности новое рассмотрение дела или возобновление производства, если того требует заявитель (см. дело «Окалан против Турции» [GC], № 46221/99, пункт 210 *в конце*, ECHR 2005-IV; дело «Владимир Романов против России», № 41461/02, пункт 118, 24 июля 2008 года; и дело «Попов против России», № 26853/04, № 264, 13 июля 2006 года). Суд отмечает в отношении статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что уголовное производство может быть возобновлено, если Европейский Суд установил нарушение положений Конвенции (см. пункт 45 выше).

Б. Судебные издержки и расходы

84. Заявитель не требовал возмещения судебных издержек и расходов. Соответственно, нет необходимости присуждать ему компенсацию на этом основании.

В. Проценты за просрочку платежа

85. Суд полагает приемлемым то, что проценты за просрочку платежа начисляются исходя из предельной учетной ставки Европейского Центрально Банка, к которой должны быть прибавлены 3 процента.

НА ЭТОМ ОСНОВАНИИ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобу в отношении отсутствия возможности допросить ключевого свидетеля обвинения приемлемой и остальную часть жалобы неприемлемой.
2. *Постановил*, что имело место нарушение пунктов 1 и 3(d) статьи 6 Конвенции;
3. *Постановил*, что Государство не выполнило свое обязательство не препятствовать реализации права подачи индивидуальной жалобы на основании статьи 34 Конвенции;
4. *Постановил*
 - (а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителю в качестве компенсации морального вреда в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 1 800 евро (тысячу восемьсот евро) плюс налог, которым может облагаться данная сумма, конвертированные в рубли в размере, определяемом на день выплаты.
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанной суммы выплачивается простой процент в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального Банка в течение периода выплаты процентов за просрочку платежа плюс три процента;
5. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и объявлено в письменном виде 17 февраля 2011 года, согласно пунктам 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Кристос Розакис
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда, к данному постановлению прилагаются следующие совпадающие мнения с иной аргументацией:

- (а) Совпадающее мнение судьи Ковлера;
- (б) Совпадающее мнение судей Шпильманна и Малинверни.

C.L.R.
S.N.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА

Я присоединяюсь, хотя и с серьезными сомнениями, к выводам Палаты в отношении нарушения статьи 6. Главным вопросом в данном деле является отсутствие единственного свидетеля, Ш. на рассмотрении дела в суде, что привело к вынесению обвинительного приговора в отношении заявителя. Вдобавок к этому, тот факт, что ни на одном из этапов уголовного производства в его отношении – даже на этапе расследования – заявителю не была предоставлена возможность допросить ключевого свидетеля обвинения.

Это не первый раз, когда Суд рассматривает ситуацию такого типа. В некоторых схожих делах не было установлено нарушение пункта 3(d) статьи 6 Конвенции (см. дело № 24015/02 «Андандонский против России», 28 сентября 2006 года). Но особенностью данного дела является степень тяжести преступления (подозрение в совершении убийства) и наказания (9 лет лишения свободы), что заранее обуславливает необходимость особенно строгого соблюдения процессуальных гарантий для обвиняемого.

Установленным фактом является то, что прокуратуре Тюменской области было предписано установить местонахождение свидетеля Ш. в области, которая по территории равна половине территории Европы, что представляет собой объективную трудность задачи и разумно объясняет, почему данные усилия не привели к успешному исходу поисков в данном регионе. По этой причине государственный суд столкнулся с серьезной дилеммой: продолжать рассмотрение дела или отложить заседание. Я отметил, что четыре раза заседание откладывалось по той причине, что суд предписывал обеспечить принудительную явку свидетеля в суд. Тем не менее, прискорбно, что суд первой инстанции продолжил рассмотрение дела с оглашением показаний Ш. менее чем через месяц после начала операции по его поиску.

В свете данной «спешки» аргументы кассационного суда о «достаточных мерах» и «исключительных обстоятельствах» не кажутся мне убедительными.

Более убедительными являются аргументы о «совокупности доказательств» на основании показаний и результатов судмедэкспертизы и биологической экспертизы, но данные аргументы померкли при отсутствии возможности проведения перекрестного допроса ключевого свидетеля на каком-либо этапе уголовного разбирательства.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ШПИЛЬМАННА И МАЛИНВЕРНИ

По причинам, которые мы ни раз уже излагали, мы придерживаемся принципа¹, который ясно определен в пункте 83 настоящего постановления, с учетом важности, о которой сказано в резолютивной части постановления.

¹ См. наши совместные совпадающие мнения, прикрепленные к постановлениям по следующим делам: дело «Владимир Романов против России» (№ 41461/02, 24 июля 2008 г.); дело «Илатовский против России» (№ 6945/04, 9 июля 2009 г.); дело «Факириду и Шина против Греции» (№ 6789/06, 14 ноября 2008 г.); дело «Лесьяк против Хорватии» (№ 25904/06, 18 февраля 2010 г.); и дело «Прежеч против Хорватии» (№ 48185/07, 15 октября 2009 г.). См. также совпадающее мнение Дж. Малинверни совместное с судьями Касадеваль, Кабрал Баррето, Загребельский и Попович в деле «Чудак против Литвы» ([GC], № 15869/02, 23 марта 2010 г.), а также совпадающее мнение судей Розакиса, Шпильманна, Зимеле и Лазаровой в деле «Салдуз против Турции» ([GC], № 36391/02, ECHR 2008-...).